

Читайте в серии:

АННА ТЕПЛИЦКАЯ

«Нино и ее призраки»

«Нино и ее реальность»

САША ЛОНГО

«Голос в коньяке»

**САША
ЛОНГО**

ГОЛОС В КОНЬЯКЕ

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л76

Редактор серии *Светлана Ленкова*

Издание подготовлено при содействии
литературного агентства «Флоберיום»

Лонго, Саша.

Л76 Голос в коньяке : роман / Саша Лонго. — Москва :
Эксмо, 2026. — 384 с.

ISBN 978-5-04-231706-4

Евдокия Левитина — журналист и музыкальный критик. После неожиданного развода она пытается понять, почему, стараясь быть для всех хорошей, в итоге проживает не свою жизнь.

Работая над радиопередачами об отношениях, Дуся параллельно общается на линии «Разговоры для взрослых» и погружается в мир мужских фантазий. То, что начинается как попытка узнать больше о мужчинах, постепенно превращается в исследование собственной сексуальности, желаний и страхов.

Но живая встреча заставляет ее выйти из виртуального мира и впервые за долгое время услышать себя.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-231706-4

© Лонго С., текст, 2026
© Оформление.
000 «Издательство «Эксмо», 2026

Глава 1

Она еле разлепила глаза. Хотела пошевелить руками, но не смогла. К горлу подкатил спазм. Кружилась голова. Она прокатилась по небу толстым, сухим, как наждачная бумага, языком. Плечи затекли, руки, зафиксированные за спиной, саднили в запястьях, будто скрученные колючей проволокой. Ног она сначала не чувствовала, но по мере возвращения сознания поняла, что они чем-то прикреплены к ножкам стула. «Что со мной произошло? Как я здесь оказалась? Боже мой, встреча...» — Мысли переплетались в плотный жгут, который стягивал лоб, давил на виски, заставляя их синкопированно мерцать.

Она постаралась понять, где находится. Кто-то усадил ее в гостиной, за большим столом так, словно она зашла на чай и светскую беседу.

— Ну наконец-то ты пришла в себя.

Она услышала голос, ослепительный, как удар, до боли знакомый и в то же время абсолютно чужой, который звучал насмешливо и презрительно. Она постаралась сфокусироваться на расплывчатом пятне в дверном проеме, за которое зацепилась боковым зрением. Любое движение зрачков взрывало виски пульсирующей болью, засыпало глаза колючим сухим песком. С огром-

ным трудом ей все-таки удалось сосредоточиться на фигуре, и в тот же миг она провалилась под лед животного, липкого ужаса.

* * *

Дуся всегда набирала текст, словно исполняла на фортепиано стаккато чуткими, сильными пальцами. Но не сейчас: впечатления о концерте не желали складываться в слова. Рука зависла над клавиатурой ноутбука, кисть томно изогнулась, словно готовая принять поцелуй. Мысли множились вскипающим молоком, но никак не хотели пролиться на бумагу. И вдруг в хороводе золотистых бликов ей удалось нащупать главное — в следующий момент руки стремительно спикировали на клавиатуру. Буквы, собранные в гирлянды слов, наконец-то проступили образами, настезь распаивающими дверь в мир Дуси Левитиной — несостоявшейся пианистки, ныне музыкального критика.

Когда текст шел туго, она испытывала почти изнеможение, но если все-таки удавалось передать то, чем прониклась, — счастье и гордое чувство обладания... Вот и сейчас, пытаясь описать туше своей любимой пианистки Веры Белозеровой, она ощущала его как пенку капучино на губах, истаивающую сливочной сладостью. У нее было звериное чутье на талант. Когда невесомо нечто совершенное. Просто. Поцелуй Бога.

Дуся боялась отцепить свою мысль от концерта Веры. Боялась, что в тот же момент по макушке наполнится болью. Боялась умереть от ужаса, когда сквозь пронзительный звон свежего воспоминания проступят фрагменты вчерашнего разговора с мужем. *Посмотри на себя! Ты пресная,*

как еврейская маца! С тобой невыносимо скучно! Я всегда воспринимал тебя как случайную девушку, одну из многих моих женщин. Изменял тебе с первого дня нашего знакомства, и ты про это знала! Глеб бил наотмашь, хотя было понятно, что она отпустит. Уже отпускает... Дуся поймала за хвост исчезающее воспоминание: как обиженно, по-детски он кривил в этот момент губы. Она всегда знала: Глеб — главный мужчина в ее жизни. «Я и сейчас так думаю!» — Слова, произнесенные вслух, обрушились болью утраты. Горло противно свело, наружу вырвался сдавленный всхлип, крупные горячие капли поползли по щекам.

Мы влюбляемся в одного человека, а потом трезвеем и видим перед собой совсем другого. Какое-то время не верим собственным глазам и терзаемся вопросами: как это могло быть? Что и, главное, когда произошло? Меж тем нам кажется, и мы принимаем желаемое за действительное. Нам кажется... И мы в этом уверены. Всю жизнь Дуся искала истинную близость. Встречаясь и расставаясь, влюбляясь и охладевая, гранила свой опыт о наждак действительности, возвращая редкое и ценное качество — великое умение прощать. Может быть, поэтому она была еще не готова поставить все точки над *i* в их с Глебом истории.

Сегодня запись передачи на радио, а она еще не одета. Обычно ей было нужно протяжное утро. Дуся любила долго жалить себя горячими струями воды, окутывая эфирным маслами лаванды, миндаля и цитрусов. Минуты, когда первые страницы текста или задумка передачи проступали из терпкой дымки утреннего кофе, превратила в ритуал. Всегда впускала в свой день музыку — особенную, под на-

строение. Сегодня это будет Орф, «Кармина Бурана». Экспрессия кантаты должна помочь закрасить, перекрыть слова Глеба.

Дуся Левитина была интеллектуалкой. За плечами консерватория по классу фортепиано. В душе отличница, перфекционистка — или быть лучшей, или не быть в профессии вовсе, — о сольной карьере даже не помышляла. «Ах, какая чудесная девочка! Так понимает и чувствует смыслы, но техника слабовата». — Так о ней говорили, оценивая в кулуарах. Карьера концертмейстера — логичный сценарий профессиональной судьбы в музыке за неимением более сладкой доли концертирующей пианистки. Неудачный перелом кисти правой руки не оставил этой возможности, а при искусстве остаться томи-тельно хотелось, и вот тогда Дуся развернулась мыслями в сторону музыкальной критики. В узких кругах ее считали профессионалом, равнодушным к любому проблеску таланта. За глаза называли занозой в заднице. Она никогда не стремилась стать лучшей среди равных, не брала заказные рецензии — вернее, откликалась на многое, но писала только то, чем удавалось проникнуться. Уж извините. Отсутствие честолюбия, пронзительное чутье на уникальный почерк, образное слово выполнили свою миссию: с ней считались.

Да что ж такое! Глаза все время на мокром месте. Дуся смахнула внезапно набежавшую слезу. *«Ну что, моя дорогая, — обратилась Дуся к слезливой взбалмошной принцесске внутри себя, — ты потеряла любимого мужчину. Он не только уничтожил все, что было для тебя важно, просто взял и скомкал тебя в отношениях. Страшно... Но тебе же не впервой возродиться из пепла?»* Слово «скомкал» отозвалось болью в сердце, глаза

вновь наполнились слезами. Она глотнула остывший кофе и оживила ноутбук. Дуся любила этот уютный уголок на кухне под огромным многолетним филодендроном. Здесь всегда хорошо писалось.

Я не хотела, но воскресла,
Душа моя теперь как песня,
И я шагаю с тобой рядом —
Снегопадом, снегопадом...

Почему-то возник именно такой образ... Захотелось увидеть свои мысли на бумаге в поэтическом изложении, они же про любовь. Но как она ни колдовала, рифмы приходили избитые, ритм постоянно менялся, и Дуся махнула рукой на эту затею. Она никогда не писала стихи, даже в юности, и была в этом абсолютно безнадежна. Взгляд скользнул по настенным часам: «Боже! Я еще не одета, а в студии нужно быть ровно в двенадцать!» Пора воскресать. Долгое утро необходимо было еще и для того, чтобы примерить на себя образ, сделать его созвучным настроению. Дуся обладала врожденным вкусом: никогда не следуя фэшн-трендам, оставалась непокорной моде, но верной самой себе.

...Автомобиль завелся мгновенно, его ровное урчание вернуло ей ощущение незыблемости бытия. Когда мир вокруг рушится, необходимы вещи, которые напоминают тебя вчерашнюю. Она любила водить и делала это с аккуратным безрассудством. *Ну все, погнали! Вождение отвлечет от грустных мыслей. Никто ничего не должен заметить.* Особенно Кирилл, ее звукорежиссер. Нужно дотянуть до вечера, а там за чашкой латте поведать душевной подружке, как вчера после совместной по-

ездки на Кипр, которая должна была пробудить взаимный интерес, они расстались с мужем. Дожить бы только до встречи, доиграть.

* * *

Редакция тоже была неизменной константой ее бытия. Когда-то уйдя из большой музыки, Дуся решила писать о высоком искусстве: опере, конкурсах, фестивалях, молодых композиторах, которые пробова­ли себя в классических жанрах, концептуальном театре, авторском кино. Специализацией ее была, конечно, музыка, но интересовало все, что лежало за границей ненавистной поп-культуры, — то, в чем ей виделось величие и что она силой своего воображения могла наполнить почти экзистенциальными смыслами. *Чудесная девочка! Так понимает и чувствует музыку, но техника слабовата.* Какая ерунда приходит сегодня в голову! Ее влекло к искусству, которое способно раздвигать границы, являясь бесконечным поводом для самоуглубления. Она готова была вновь и вновь наполнять идеями формы — застывшие слепки бытия, — вдыхая в них жизнь, подсвечивая содержание. Дуся кожей чувствовала талантливых людей, любовь к их искусству всегда была для нее выше самолюбия. К своим творческим проявлениям она относилась несерьезно, но ответственно: в каждой ее передаче, статье звучали вера в силу духа и таланта, умение слушать не перебивая, слышать предназначение и сущность. Дуся научилась страстно творить фантазию, импровизацию: неважно что, но непременно щедро, обязательно здесь и сейчас. Она лелеяла любовь к искусству в себе, к искусству других, к искусству вообще. Она точно знала, что так служить ему могут лишь единицы.

Ее идеализм наткнулся на подводные камни жестокости конкуренции творческой среды и в этой связи медленно, но верно претерпевал изменения. Со временем она пересмотрела ценности — для Дуси измельчился и рассыпался их смысл, — но работу свою любить не перестала.

...В редакции всегда пахло кофе и сигаретным дымом. Каждая передача для Дуси была пропитана этими ароматами. словно часть выпитого журналистом, редактором, звукорежиссером кофе — с молоком, сливками, коньяком, лимоном, просто стаканом холодной воды, с сахаром и без — вьедалась неповторимым запахом в бумагу, слова, студию, ауру и далее по списку. До прихода на радио она не была фанаткой этого напитка. Именно здесь Дуся пристрастилась к кофе и сигаретам. Как будто их сочетание — тот камертон, тронь который — и зазвучат споры до хрипоты, философские глубокомысленные умозаключения, полные самоиронии журналистские байки. Здесь все было интеллектуально и немного богемно. Здесь все было пропитано ароматом кофе. Она тепло и трепетно относилась к команде, с которой делала свои передачи. Вот и сейчас ее захлестнула признательность, когда она услышала полный тревоги вопрос Иды Яковлевны:

— Дусечка, всё в порядке?

Дуся обожала ее, считала своей подругой, не смотря на то что между ними была почти двадцатипятилетняя разница в возрасте. Эти глаза, заглядывающие в душу, неизменная сигарета в уголках губ, интеллектуализм в речах, удачно приперченный крепким словом, делали Иду Яковлевну особенным человеком в редакции. Умение разговаривать матом добавляло сто очков к ее харизме. Можно было ухохатываться над каждой фразой:

перлы циничной самоиронии — это был высший пилотаж. Нигде и никогда Дуся больше не слышала ничего подобного. За глаза все называли ее Мамулей. Ида Яковлевна догадывалась об этом и режиссировала всех и вся. Ее острого языка побаивались, она пользовалась уважением и с достоинством вдовствующей королевы принимала его. Очень любила молодежь и опекала Дусю в профессии и в жизни. Та подозревала: почти материнская опека стала возможной, потому что у Идочки Яковлевны (так она любя называла свою наставницу) не было детей. В голосе Мамули было столько сочувствия — вновь подступили слезы. Нет, не сейчас. Дуся из последних сил собралась и засветилась глазами навстречу:

— Все отлично, лучше не бывает!

И, повернувшись, выбежала из редакции.

* * *

— Дуся, очнись! Ты готова? Да что с тобой сегодня? — прозвучал голос Кирилла в наушниках. Студия — священное место, где краткие команды звукорежиссера действовали на нее как звук колокольчика на собаку Павлова. Все отступало... Дуся улыбнулась:

— *Доброе утро, дорогие друзья! Счастлива встрече с вами после небольшого вынужденного перерыва. Слегка волнуюсь. Сегодня все как в первый раз со мной в этой студии: и молчаливый дымчато-серый микрофон, и уютный абажур настольной лампы. Все ощущения обострены до предела, наверное потому, что я действительно соскучилась по общению с вами; и еще... Весна, господа! Москва уже обласкана непосто-*

янным апрельским солнцем. И хотя в данный момент я нахожусь в студии за надежной толщей стен без окон и не имею возможности вдохнуть полной грудью хмельной весенний воздух, солнечный, радостный дух прорывается и сюда, ласково обнимая нас.

Нас — это тех, кто сегодня выходит в эфир и трудится для эфира: журналиста Евдокию Левитину и звукорежиссера Кирилла Абдумаликова. Жажда общения, признаний, открытый просто переполняет меня! Хватит такой привычной игры в слова. Все — мобилизуюсь, настраиваюсь, поехали...

* * *

День прошел суетливо и напряженно: требовалось прилагать особые усилия, чтобы вести себя как обычно... Теперь, когда осталась одна, можно было выдохнуть. И Дуся, потягивая латте в любимой кофейне за столиком у окна, хотела только одного — встретиться с лучшей подругой и выплеснуть на нее все свои переживания. Подругу звали Татьяна, но домашние и особо приближенные никогда к ней так не обращались — только Тата. Встречи с ней Дуся ждала как сеанса у психотерапевта: когда боль рвется наружу, страшно представить, что ты запечатаешь ее в себе надолго. *Может быть, достав ее изнутри, я буду способна... отпустить ситуацию?*

— Привет! — Из раздумий ее вырвал свежий, задорный голос Таты. Она громко чмокнула Дусину макушку.

Они были очень разными и очень близкими. Тата обладала взрывчатым темпераментом и всег-

да более категорично высказывалась о людях. Она могла страстно влюбиться в человека, раскрыться ему навстречу, но так же быстро меняла свое мнение о нем. Люди всегда должны были пройти череду проверок, прежде чем она, Тата, сможет им доверять. Так она думала. Но доверять получалось сразу и безоговорочно. Разочарование накрывало потом. Убежденность в том, что не подведут, — дорога с двусторонним движением. Тата всегда двигалась *presto* по направлению к очередному увлечению. Глеба она невзлюбила сразу, с первой минуты их знакомства. Дусе казалось, что это ревность к самому факту, что у нее теперь есть Глеб, несмотря на то что Тата была давно и счастливо замужем. Счастье кратно увеличилось, когда подруга стала мамой очаровательного рыжего чуда, которое вопреки мнению всего света назвала Кузьмой. «Хочу быть теперь Кузькиной матерью», — отвечала Тата на все высказывания общих знакомых о некруглости имени Кузьма.

«Почему я так доверяю ей?» — думала Дуся. И не могла найти ответа, но точно знала, что рассказать подруге можно все, без купюр, украшательств. И Тата поймет, искренне заинтересуется обстоятельствами, эмоционально проживет каждую минуту Дусиного рассказа.

Лучезарность, которая струилась из Таты — из серых прозрачных глаз, от рыжих кудрявых волос и мраморной кожи, — гипнотизировала и настраивала на откровенность.

И Дуся, соприкоснувшись с Татой сердцем, начала свой рассказ...

— Да, подруга... Что теперь намереваешься делать? Я могу разузнать через общих приятелей о его новой пассии.

От Таты всегда исходили практические и действенные советы, и помощь она предлагала из ряда «А давай я сделаю...»

— Не нужно, Тат. Я не хочу знать. Так мне будет легче. Да и разве это важно?

— Скажешь, нет?

Тата злилась и рвалась спасти. На мраморе кожи неровно проступили ярко-розовые пятна. Что-то такое было в ее взгляде: и трогательность, и беззащитность, и боль, и нежность, и принятие, и обида, и, вероятно, что-то еще... И этот диссонирующий, царапающий душу аккорд прозвучал камерно, пиниссимо.

— Что я могу для тебя сделать? Как помочь? — почти шепотом спросила она. В голосе звенели слезы.

— Просто будь в моей жизни. Ты мне очень нужна. А сейчас я поеду. Хочу побыть одна... Извини, правда, мне уже лучше! Я в порядке! Спасибо тебе...

* * *

Она пересмотрела фильм Ларса фон Триера «Рассекая волны», обливаясь слезами и заедая горе мороженым. Жалость к себе, как капризная женщина, требовала сладкого. Когда Дусе хотелось быстрее пережить боль и отчаяние, она вопреки здравому смыслу еще глубже погружалась в эти настроения, как в колодец. В этом было много действенной силы. Как будто там — на дне безысходности, уныния и страха — появлялась легкость двигаться вверх, задерживая дыхание, напрягая все мышцы, выталкивать себя из пучины мрачных и тягостных мыслей. Но сейчас, после просмотра, во время которого она плакала навзрыд, ее мучил другой вопрос: что не так